

Пётр Никитич Ткачёв

Народ и революция (без илл.)

(Статьи с сайта saint-juste.narod.ru)

Пётр Никитич Ткачёв (1844—1886) — деятель российского революционного движения, публицист, теоретик «якобинского» направления в народничестве. Из семьи мелкопоместных дворян.

В 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, сразу принял участие в студенческих противоправительственных волнениях, за что был арестован и содержался два месяца в Кронштадтской крепости. В 1862 г. начал выступать в различных журналах, сдал экстерном экзамены и получил диплом кандидата права, не посетив ни одной лекции; участвовал в студенческом кружке, близком к «Земле и воле». В том же году вновь арестован и спустя два года приговорен к трем месяцам крепости за хранение прокламации Н.П. Огарева «Что нужно народу». В 1865 г. вышел на свободу, стал сотрудником журнала «Русское слово», а в 1866 г. — сотрудником журнала «Дело», сменившего закрытое «Русское слово», где публиковал рецензии, критические статьи на литературные, философские и юридические произведения, статистические очерки, в которых максимально откровенно (насколько позволяла цензура) проводил

социалистические идеи. Работал в подпольной группе И.А. Худякова, арестован по «каракозовскому делу». В 1867—1868 гг. вместе с бывшими каракозовцами организовал революционную коммуну «Сморгонская академия». Зимой 1868—1869 гг. принял участие в студенческом движении в петербургских высших учебных заведениях, вместе с С.Г. Нечаевым возглавил его левый фланг, ориентированный на создание революционной организации для поддержки ожидавшегося крестьянского восстания. В марте 1869 г. был арестован из-за причастности к выходу прокламации «К обществу», спустя два года был приговорен на «процессе нечаевцев» к 1 году и 4 месяцам тюрьмы и по отбытии срока был сослан на родину, в Великолуцкий уезд Псковской губернии. В декабре 1873 г. при содействии кружка «чайковцев» бежал за границу.

В эмиграции быстро разошелся с большинством русских революционных эмигрантов, придерживавшихся пропагандистских и бунтарских (бакунистских) идей. Вместе с группой русско-польских эмигрантов с конца 1875 г. в Женеве издавал журнал «Набат», выступая с позиций бланкизма. В это же время участвовал в создании глубоко законспирированного «Общества народного освобождения», налаживавшего связи с «якобинцами» в России. В 1880 г. участвовал в потерпевших провал попытках перевода типографии «Набата» в Россию и сотрудничества с «Народной волей». Вероятно, все эти неудачи и упадок революционного движения в России после гибели Исполнительного Комитета «Народной воли» в 1881 г., а также крайне бедственное материальное положение Ткачева способствовали развитию у него органического заболевания головного мозга. В конце 1882 г. он оказался в больнице для душевнобольных, где и пребывал до дня смерти.

Опубликовано в книге: Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы в четырех томах. Том III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.

Комментарии научного редактора (латинскими буквами): Роман Водченко.

Примечания Б.П. Козьмина (римскими цифрами).

Пётр Ткачёв
Народ и революция[1]

Мы говорили в прошлый раз, при каких условиях народ наш может превратиться из *возможной* революционной силы в *действительную*, из *возможного* революционера — в революционера *реального*[II]. Теперь является другой вопрос, не менее существенный: как велика может быть в данное время эта действительная революционная сила народа? Имеем ли мы право возлагать на нее чересчур большие надежды и упования? В состоянии ли она, предоставленная сама себе, осуществить основные принципы социальной революции?

Ответы на эти вопросы должны определить, с одной стороны, степень *возможного*, *желательного* участия народа в революции, с другой — ту роль, которую будет обязано играть в ней революционное меньшинство.

Само собою понятно, что, чем менее существует в народе революционных элементов, чем ничтожнее размеры его революционной силы, тем незначительнее должна быть его роль в деле осуществления «социального переворота» и тем большим значением, тем большей властью и влиянием должно пользо-

ваться революционное меньшинство. Точно так же и наоборот: участие народа в революции должно быть тем больше, чем большее количество революционных элементов он в себе содержит.

Эта истина так же бесспорна и очевидна, как и то, что дважды два — четыре.

Чем же определяется вообще революционная сила той или другой общественной среды?

Она определяется главным образом двумя данными: с одной стороны, характером идеалов этой среды, с другой — ее отношениями к окружающей ее действительности.

Эти идеалы могут быть или *консервативны* (если они стремятся к сохранению всех или некоторых наиболее существенных из данных форм исторически сложившегося общества) или *революционны* (если они стремятся к устранению, к пересозданию этих форм); эти отношения могут быть или враждебны, или миролюбивы.

Каковы же общественные идеалы нашего народа? Каковы его отношения к окружающей его действительности?

Его общественный идеал — самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землей, круговая порука, братская солидарность всех членов общины — одним словом, идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком[3]. Конечно, от форм жизни, обуславливающих этот идеал, еще очень далеко до полного коммунизма; коммунизм кроется в них, так сказать, в зерне, в зародыше. Это зерно может разрастись, но может и заглохнуть, — все зависит от того, в каком направлении будет развиваться наша экономическая жизнь. Если она будет развиваться в том направлении, в каком она развивается теперь, — в направлении буржуазного прогресса, — то нет сомнения, что нашу общину (а следовательно, и наши народные идеалы) постигнет судьба западноевропейской общины: она погибнет, как погибла община в Англии, Германии, Италии, Испании и Франции. Но если революция поставит вовремя плотину быстро несущимся волнам буржуазного прогресса, если она остановит его течение и даст ему другое, совершенно

противоположное направление, тогда, нет сомнения, при благоприятном уходе наша теперешняя община обратится мало-помалу в общину-коммуну.

В настоящее же время она стоит, так сказать, на перепутье двух дорог: одна ведет к царству коммунизма, другая — к царству индивидуализма; куда толкнет ее жизнь, туда она и пойдет. Если же жизнь не толкнет ее ни в ту, ни в другую сторону, она так навеки и останется на перепутье. В ней самой нет ничего такого, что бы могло двинуть ее вперед или назад; все ее элементы находятся в устойчивом равновесии. Вот почему она почти ни на волос не изменилась в течение нескольких веков, вот почему она, предоставленная самой себе, может просуществовать *in statu quo*[III] еще тысячи, миллионы лет[5].

Каковы формы общежития, — таковы и идеалы, порождаемые ими. Если первые консервативны, если в них не содержится никакого внутреннего стимула к дальнейшему развитию, то точно таким же консервативным характером запечатлены будут и последние.

И действительно, общественный идеал нашего народа не идет далее окаменелых форм его быта. Дальше своей веками освященной, обычной формы землевладения, ввевшегося в плоть и кровь патриархального чинопочитания, пассивного подчинения лица миру, — дальше своих традиционных семейных отношений и т. п. он ничего не видит, ничего не знает и знать ничего не хочет. Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной воле, и вы увидите, что он не внесет в нее ничего нового, — он распространит формы своей жизни, свою общину, свой мир, свою семью на те сферы, из которых они теперь вытеснены влиянием буржуазного прогресса, но этим и ограничится его реформаторская деятельность, и перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его закорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом.

Итак, положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны; они не могут быть идеалами революции. Самое полное и беспрепятственное применение их к жизни очень мало пододвинет нас к конечной цели

социальной революции — к торжеству коммунизма.

Для того чтобы приблизиться к этой цели, чтобы приготовить почву для коммунизма, мы должны внести новые элементы, новые факторы в исторически сложившийся строй народной общины — такие элементы, такие факторы, которые вывели бы ее из ее устойчивого равновесия, сдвинули бы ее с ее насиженного места, толкнули бы ее на дорогу коммунистического развития. Но представления об этих новых элементах, новых факторах мы тщетно стали бы искать в народном идеале; он еще их не знает; они еще ему чужды; они присущи лишь социалистическому мирозерцанию революционного меньшинства. Вот почему идеал этого меньшинства как более широкий и более революционный, чем народный идеал, и должен во время революции господствовать над последним. Народ[IV] не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; потому при построении этого нового мира он не

может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли[V]. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству.

Но если народ не имеет существенного значения как *положительная* революционная сила (т.е. с точки зрения его положительных идеалов), то, может быть, он имеет значение как сила отрицательная, революционно-разрушительная?

Действительно, народ наш — исконный враг помещиков и властей. И те и другие грабят его, эксплуатируют, выжимают из него лучшие соки... и тех и других он глубоко ненавидит... Дайте возможность этой ненависти свободно проявиться наружу — и он одним могучим порывом уничтожит теперешних защитников и охранителей данного status quo[VI], он возвратит себе отнятую у него землю, он разрушит все, что до сих пор давило и гнело его мир, его общину, он жестоко отомстит своим врагам. Но дальше он не пойдет.

Разрушив учреждения, чуждые, враждебные привычным ему формам общежития,

уничтожив всех своих непосредственных врагов, захватив в свои руки их достояние, он, более свободный, более довольный, более обеспеченный, возвратится в свою «святую святых» — в свой «мир», в свою общину, к своей семье. Его внутренний мир, обветшалые, традиционные формы его жизни останутся нетронутыми, он любит их, он дорожит ими, и он не прикоснется к ним ни единым пальцем.

Таким образом, даже в деле разрушения революционная сила нашего народа может иметь лишь относительное значение. Опираясь на нее, пользуясь ею, революционное меньшинство уничтожит непосредственных врагов революции и устранит первоначальные препятствия, мешающие практическому осуществлению социально-революционных идеалов. Но оно не может на этом и успокоиться. Оно должно внести свою разрушительно-революционную деятельность и в недра крестьянской жизни, — оно должно стремиться устранить из этой жизни ее обветшалые, враждебные коммунистическому прогрессу формы, заменяя их формами наиболее

приспособленными к потребностям этого прогресса.

Но вот именно для того, чтобы иметь возможность продолжать свою разрушительно-революционную деятельность и в тех сферах, где она едва ли может рассчитывать на живую поддержку и содействие большинства народа, — для этого-то революционное меньшинство и должно обладать силой, властью и авторитетом. И чем больше будет эта сила, чем тверже и энергичнее будет эта власть, тем полнее и всестороннее осуществляются в жизни идеи социальной революции и тем легче будет избежать столкновения с консервативными элементами народа.

Итак, отношение революционного меньшинства к народу и участие последнего в революции может быть определено следующим образом: революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предрержащею, открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции,

оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем, пользуясь своей силой и своим авторитетом, оно вносит новые прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни; сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее окочевевшие и закорузлые формы[VII].

В своей реформаторской деятельности революционное меньшинство не должно рассчитывать на *активную* поддержку народа.

Революционная роль последнего кончается с той минуты, когда он разрушит непосредственно гнетущие его учреждения, уничтожит своих непосредственных тиранов-эксплуататоров.

Но так как, с одной стороны, существование революционных идеалов не будет находиться в противоречии с его насущными, реальными потребностями, а с другой стороны, — реформы, вводимые меньшинством, будут проникнуты тем же духом общинной солидарности, каким проникнут и весь строй народной жизни, — то нет ни малейших оснований предполагать, чтобы народ отказал

революционерам в своей *пассивной* поддержке. Напротив, они имеют полное право рассчитывать на нее: ведь их революционный идеал в общих своих чертах есть тот же консервативный идеал народа, только полнее и всестороннее развитый в известном, определенном направлении.

Следовательно, проводя его в жизнь, они будут мочь до известной степени опираться на *консервативную силу* народа, как прежде они опирались на его *силу революционную*.

Таким образом, *революционное меньшинство, пользуясь разрушительно-революционной силой народа, уничтожит врагов революции и, основываясь на общем духе положительного народного идеала (т. е. на консервативных силах народа), положит основание новому разумному порядку общежития.*

Вот общая формула, определяющая относительную роль и участие в революции тех двух факторов, от совместной деятельности которых зависит ее успех. Формула эта с логической неизбежностью вытекает из сделанной нами оценки характера и объема действительной революционной силы, заключа-

ощейся в *настоящее время* в нашем народе.

Кто согласен с этой оценкой, для того обязательна и наша формула. А кто же не согласится с нами, что разрушительно-революционная сила народа может иметь значение лишь для явлений и факторов общественной жизни, стоящих вне сферы внутреннего крестьянского быта, вне сферы его патриархально-общинных отношений, — что самый этот «внутренний быт», что эти «патриархально-общинные» отношения представляются народу чем-то священным и неприкосновенным? Кто не согласится с нами, что исторически выработавшиеся формы народной жизни отличаются крайней устойчивостью, неподвижностью и что, следовательно, таким же свойством должен отличаться и общественный идеал народа? Но согласиться с этими двумя положениями — значит согласиться и с выведенным из них заключением об общем характере действительной революционной силы народа.

Признавая же это заключение, мы должны быть последовательны. Мы не должны сами перед собою лгать и лицемерить; мы должны

прямо, не жмурясь и не конфузясь, взглянуть в глаза грубой действительности.

Мы должны навсегда вычеркнуть из своего словаря пошлые и бессмысленные фразы о каком-то *народном гении*, фразы, взятые нами напрокат у реакционеров-славянофилов. Мы не должны, мы не имеем права возлагать на народ чересчур больших надежд и упований. Нечего говорить глупости, будто народ, «предоставленный самому себе», может осуществить социальную революцию, может сам наилучшим образом устроить свою судьбу... Народ — необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции, когда оно постоянно будет направлять и руководить как революционными, так и консервативными силами народа. Мы не должны этого скрывать. Истины не следует бояться. Только трусам свойственно льстить и вилять перед ими же самими созданными кумирами. У нас нет и не должно быть кумиров. Нам незачем коленапреклоняться перед народом, возводить его на пьедестал. Напротив, чем строже мы бу-

дем относиться к нему, чем откровеннее мы будем высказывать наше о нем мнение, тем более мы докажем ему свое к нему уважение, свою к нему любовь. Тот не уважает народ, кто льстит ему. Тот не любит его, тому и не дорого его счастье, кто с фарисейским лицемерием уверяет его, будто он только сам себя может спасти, кто сваливает исключительно на одни его плечи великое дело социальной революции.

Освобождение народа посредством народа [а] — это та же теория *народной самопомощи*, под громкими фразами которой буржуазные экономисты стараются скрыть свое бессердечное, свое эгоистическое отношение к народным страданиям, к народному горю. Люди, близко принимающие к сердцу это горе и эти страдания, — честные, преданные революционеры, — они должны не только *понимать*, они должны *чувствовать* всю ее лживость. Они должны знать, что миф *народной самопомощи* изобретен врагами народа для того, чтобы как можно дольше удержать народ в его теперешнем беспомощном положении. Потому всякий, кто признает и пропа-

гандирует этот миф, — враг народа, друг и союзник (сознательный или бессознательный) его эксплуататоров и грабителей.

Народ *не может* себя спасти, народ, сам себе предоставленный, не может устроить своей судьбы сообразно реальным потребностям, не может провести и осуществить в жизни идеи социальной революции. С этим согласны даже и защитники мифа народной самопомощи; но при этом они лицемерно прибавляют, будто народ лишь в *настоящее время* не может ничего для себя сделать, но что в ближайшем будущем, когда он просветится и поумнеет, этой невозможности для него не будет существовать.

Ложь, наглая, возмутительная ложь! Пока народ будет находиться в тех экономических и политических условиях, в каких он находится теперь, — ни его идеалы, ни его отношения к окружающей его сфере измениться не могут, следовательно, и в будущем он останется настолько же беспомощным, насколько он беспомощен в настоящем.

Потому людей, которые возлагают на фантастическое будущее какие бы то ни было на-

дежды, которые ради него готовы откладывать дело революции в долгий ящик и проповедовать необходимость *выжидания и терпения* — таких людей мы должны считать или лицемерными шарлатанами, замаскированными врагами народа, или же просто наивными дураками, верующими в чудеса.

Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, — и мы *должны* это сделать как можно скорее!

Примечания

Статья «Народ и революция» была напечатана в № 4 «Набата», 1876 г., март, и перепечатана в «Ораторах-бунтовщиках»[b].

[b] Полное название брошюры — «Ораторы-бунтовщики перед русской революцией. На тему: необходимо приступить немедленно к тайной организации, без которой немыслима политическая борьба». Брошюра была опубликована в 1880 г. в Женеве без указания авторства. В ней были собраны программа журнала «Набат» и передовые статьи этого издания, написанные Ткачевым.

[^^^]

В статье «Наши иллюзии»

[^^^]

Правда, в некоторых местностях России общинного землевладения уже не существует, — однако, и там народный идеал не вполне еще утратил свой коммунистический характер, — и там в народном сознании личное и единичная воля ступшевываются и теряются перед представлением о мире, о громаде. — *Примечание Ткачева.*

[^^^]

В том же положении.

[^^^]

Действительно, исследования Мэна, Маурера, Лавелэ и др. вполне доказали ту истину, что подобная община представляет одну из самых консервативных, самых устойчивых форм общежития. Она способна приурочиваться к всевозможным политическим переворотам. На острове Ява, на Алеутских островах, у индейцев Ориноко, у афганов, в некоторых кантонах Швейцарии она существует, например, безо всяких изменений с незапамятных времен. Очевидно, в ней самой не содержится никакого стимула к прогрессу, к развитию; этот стимул должен быть дан ей извне. — *Примечание Ткачева.*

[^^^]

IV

В «Ораторах-бунтовщиках» после слова «народ» добавлено «без руководителей».

[^^^]

V

В «Ораторах-бунтовщиках» слова: «потому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли» — отсутствуют.

[^^^]

Положения.

[^^^]

VII

В «Ораторах-бунтовщиках» слова: «сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее окоченевшие и закорузлые формы» — отсутствуют.

[^^^]

а

Названное положение было одним из основополагающих для народнического движения, принимал его и редактор журнала «Вперед!» П.Л. Лавров, которому Ткачев предъявлял обвинение в неревolutionности. Подробнее о расхождении в их взглядах см. статью Б.П. Козьмина «П.Н. Ткачев».

[^^^]